

В конце комедии развенчивается как ложное свободомыслие, так и слепая вера в духов. Привидению, как и другим ухажерам, не удастся добиться благосклонности вдовы. Чудесным образом возвращается домой муж героини, которого все считали погибшим на войне, и он сам надевает на себя маску сначала волшебного заклинателя, а потом и привидения, чтобы убедиться в том, что сила любви между супругами не остыла. Встретив привидение, Тинсель в страхе убегает, а истинно просвещенные и высоко нравственные главные герои вновь счастливо соединяются, не собираясь менять деревенскую простоту жизни на ложный прогресс города.

Детуш высоко оценил комедию Аддисона как построенную согласно нормам французского классицизма.⁵⁶ Однако в своем переводе он не преминул сделать целый ряд изменений, с тем чтобы привести в соответствие с французскими вкусами иностранный сюжет о притворном домовом, хотя и полный достоинств, но все же достаточно тривиальный, по его мнению. Как и в случае с переделками «*La dama duende*» Отроша и Колле, во французской версии «Привидения» акцент с легкости словесного юмора в репликах героев переносится на комизм их положений. Такой слегка утрированный, приближающийся к фарсу вариант и предложил русской публике Нартов, строго следовавший за текстом Детуша. К примеру, процитированный выше разговор героев значительно упрощается и сводится к прямолинейному противопоставлению веры и неверия в духов:

Баронесса. Станем опять говорить о привидениях. Так вы тому не верите, что есть на свете духи?

Маркиз. Спросите, сударыня, меня и о том, что верю ли я сказкам о Бове Королевиче и о Петре золотых ключах; это на тож похоже.

Лизета. Ах! Пожалуйста не говорите больше с ним, вить он еретик (28).

Таким образом, именно комедия «Привидение с барабаном», вобравшая в себя все основные черты европейского сюжетного мотива о «притворном домовом», стала одним из первых и наиболее удачных его воплощений на русской сцене. Появившийся двадцать лет спустя «Домовой» был воспринят лишь как одна из многих вариаций темы, уже почти исчерпанной. После триумфа фабулы о притворном домовом на русской сцене в конце века Просвещения все комическое сверхъестественное впало в глубокое забвение, за редкими исключениями: опера Аблесимова продолжала представляться на русской сцене и в XIX в.

⁵⁶ Детуш лично знал Аддисона в Англии. Стремление «приблизиться к французской правильности» отмечает у Аддисона и Лессинг (*Лессинг Г. Э. Гамбургская драматургия.* М., 1883. С. 90).